

Глава 23. (Экстра) Голос крови

Юйлин — город десяти ли процветания у реки Хуай, обитель изысканной красоты шести династий. Ныне он стал прославленным окружным центром: здесь обосновались принц крови, удельный князь и единственная во всей империи Дацинь благородная госпожа первого ранга. Юйлин утопал в роскоши, притягивая к себе бесчисленных торговцев и искателей удачи.

В один из погожих дней в городские ворота медленно въехала неприметная повозка. Правил ею молодой человек, а внутри расположилась чета супругов с нехитрым скарбом — с виду обычные люди, приехавшие навестить родню.

— Вы двое точно всё решили? — не оборачиваясь, спросил возница.

— Брат Чжан, — отозвался мужчина изнутри, — вы не слышали, есть ли в этом городе павильон Цзяофан?

— Вот уж не знаю, — покачал головой возница. Он приехал в Юйлин на заработки лишь несколько лет назад и, хоть исколесил город вдоль и поперёк, о таком месте не слышал. — Может, стоит расспросить стариков?

— Вот как... — В голосе пассажира прозвучало разочарование. — Тогда, брат Чжан, будьте добры, высадите нас у той чайной лавки впереди.

Когда повозка остановилась, супруги сошли и присели за грубый столик чайной. Молодая женщина была одета просто, по-деревенски, а её единственным украшением служила скромная серебряная шпилька.

— Муж мой, неужели мы ошиблись местом? — тихо спросила она.

— Юнь-эр, — Чэнцзи накрыл её ладонь своей, — прости, что заставил тебя скитаться. Если бы не я, тебе не пришлось бы терпеть эти невзгоды.

Чжао Юнь крепко сжала его руку в ответ.

— О чём ты говоришь? Семья Ду всё равно никогда не ценила тебя. Уйти оттуда — только благо, нечего дышать ядом в том доме. Мы — муж и жена, и куда бы ты ни направился, я последую за тобой.

— Я лишь хочу взглянуть на неё... Узнать, как она живёт, — вздохнул Чэнцзи, и в его душе вновь зашевелилось смутное беспокойство. — Сам не знаю, зачем всё это затеял.

Его прежнее имя было Ду Чэнцзи, и когда-то он считался старшим молодым господином в

префектуре Лянчуань. До рождения младшего брата он купался в любви старших, но стоило тому появиться на свет, как Чэнцзи в одночасье стал лишним. Он не понимал, почему всё изменилось, пока однажды между ним и братом не случилась стычка. Мальчишка получил ссадину, и мачеха, госпожа Ду, впала в неистовство. Осыпая Чэнцзи ударами, она в сердцах выкрикнула, что он — отродье продажной девки.

Тогда-то он и узнал от слуг горькую правду: госпожа Ду не была его матерью. Жизнь потеряла смысл, а жену ему отец выбрал из семьи попроще, явно готовясь к тому, что невестка со временем сбежит. Однако небо оказалось милостиво. Чжао Юнь, хоть и была из небогатого рода, оказалась верной и решительной. Ради мужа она была готова спорить и ругаться с кем угодно, и за годы совместной жизни их чувства стали по-настоящему глубокими.

Чэнцзи пытался разузнать о судьбе родной матери, не желая верить ядовитым словам мачехи. Он не собирался покидать дом Ду, пока не встретил матушку Ху.

Матушка Ху когда-то служила поварихой в их поместье и пришла к нему перед самым увольнением. Видно, увиденное в те годы так тяготило её совесть, что она не могла уйти молча.

— Когда-то барыня долго не могла понести, — шептала она, — и хозяин нашёл на стороне женщину. Обещал жениться, а сам только ребёнка хотел. Когда дитя отобрали, несчастная пришла к воротам, но барыня её и на порог не пустила. Тогда та женщина пошла в управу, к барабану правосудия... Ох, и натерпелась же она! Её били палками, пока живого места не осталось, а она всё ползла к этому барабану. Хозяин тогда дружбу водил с приставами, денег им дал, чтоб били нещадно. Я до смерти не забуду: она зубы сцепила и терпела, словно в ней только одно желание и осталось — сына вернуть. В конце концов она была уже при смерти, когда её мать и сёстры её забрали. Молодой господин, я и сама мать, моему старшему столько же, сколько вам. Не верю я, что такая гордая женщина была из распутных. Будет случай — отыщите её. Она за вас все муки ада приняла.

Слушая этот рассказ, Чэнцзи чувствовал, как внутри всё леденеет. Он не мог представить, что слабая женщина, израненная и истерзанная, находила силы ползти к барабану правосудия. И ещё страшнее было осознавать, что его отец, Ду Хуайтянь, был способен на такую запредельную жестокость.

Впервые в жизни Чэнцзи поддался порыву. Он ворвался в кабинет отца и швырнул ему в лицо обвинения: как у него поднялась рука на такое? Как он смеет называть свой дом благочестивым?

Кончилось это поркой, но Чжао Юнь не стала молчать. Она подняла такой шум, что позорная тайна семьи Ду выплыла наружу. Боясь, что скандал ударит по карьере их «законного» сына, Ду Хуайтянь выделил старшему небольшую сумму и выставил его за ворота, лишив наследства.

У Чэнцзи было лишь несколько зацепок: город Юйлин, название «Цзяофан» и имя матери — Хай Янь.

— Ничего, найдём, — тихо успокаивала его жена. — Потихоньку, шаг за шагом.

— Лишь бы этот павильон ещё существовал... — вздохнул он.

Старик-хозяин чайной лавки, услышав их разговор, прищурился:

— Вы ищете павильон Цзяофан?

— Дедушка, вы знаете, где он? — поспешно спросил Чэнцзи.

— Как не знать, — кивнул старик. — Раньше-то люди по глупости думали, что это бордель, а на деле — почтенная чайная. Только когда наша благородная госпожа признала родство, доброе имя павильона восстановили. Идите к самому большому трактиру в городе. Ныне это «Ресторан семьи Суй», он и стоит на месте прежнего Цзяофана. Девчата из той семьи — все как на подбор мастерицы: вышивка Инхун, сладости Жуйсянь, благовония Хуанхуа, вина Моли... А уж чай Хай Янь — выше всяких похвал. Почти всё в столицу, к императорскому столу поставляют. Если пойдёте...

Старик ещё что-то говорил, но супруги уже не слышали — они замерли, поражённые.

— Простите, — перебил Чэнцзи, и голос его дрогнул, — вы сказали «Хай Янь»? Это та самая женщина?

— Ну да, — вздохнул старик. — Лучшая мастерица чая в ресторане Суй. Жаль только, в юности ей сердце в клочья изорвали. Все её названные сёстры замуж вышли, а она так и осталась одна. А ведь могла бы уже внуков нянчить.

Поблагодарив и расплатившись, супруги быстрым шагом направились в указанную сторону.

Издали показалась вывеска ресторана Суй. Здание больше походило на роскошную усадьбу, чем на обычный трактир — сразу было видно, что дела идут в гору. У бокового входа выстроились лавки с вышивкой, сладостями и курениями. Чем ближе они подходили, тем сильнее колотилось сердце Чэнцзи.

Обеденный час ещё не настал, но посетителей было немало. Из дверей вышла женщина средних лет. Волосы её были безупречно уложены и скреплены простой шпилькой из чёрного дерева. На ней было платье тёмного, сдержанного цвета из дорогой ткани. По лицу угадывалось, что в молодости она была первой красавицей. Женщина отдала короткое распоряжение слуге, и тот почтительно склонил голову — сразу стало ясно, что она здесь хозяйка, а не гостя.

Чжао Юнь хотела было спросить мужа, она ли это, но обернулась и увидела, что его глаза полны слёз.

Спустя много лет, когда жена спросит Чэнцзи о том дне, он ответит лишь одно: голос крови.

«С первого взгляда, едва увидев её, я понял — это моя мать. Я никогда не знал её лица, не видел портрета, но сердце закричало: это она. В этом и есть тайна кровного родства»

Он хотел броситься к ней, но не смел. Хай Янь вышла на улицу, а следом за ней, на шаг позади, шёл мужчина средних лет, словно негласно оберегая её.

В душе Чэнцзи шевельнулось странное чувство: именно такой защиты и заслуживала Хай Янь. Вспомнив слова старика о её одиночестве, он понял — раны прошлого были слишком глубоки, она больше не могла довериться никому до конца.

Супруги остались в Юйлине. Они открыли небольшую лавочку заморских диковин — товар был в новинку, и прибыли хватало на жизнь. Но главное было в другом: двери их лавки смотрели прямо на главный вход ресторана Суй. Чэнцзи мог часами сидеть у окна, просто наблюдая за ней.

Он не решался открыться. Вспоминая её муки, её избитое тело у барабана правосудия, он чувствовал жгучий стыд. Как он мог признаться, что он — сын того монстра, что едва не убил её?

Старые травмы Хай Янь не прошли бесследно. В непогоду и холода её ноги изнывали от боли, пробирающей до костей. Чэнцзи тайно находил редкие снадобья и через вторые руки передавал их ей. Так летели годы. Когда у него родился сын, он принёс в ресторан корзину красных яиц, но и тогда не решился на признание. Однако в глубине души он чувствовал: она знает.

Зима того года выдалась лютой. Старые раны Хай Янь воспалились, лекари один за другим разводили руками. В те скорбные дни Чэнцзи и его жена не отходили от её постели. Перед самым концом Хай Янь, собрав последние силы, сняла с запястья золотой браслет и надела его на руку Чжао Юнь.

— Живите счастливо... — прошептала она, слабо похлопав невестку по руке. — Мой путь на этом окончен.

Больше не нужно было слов. Они всё понимали, но молчали до последнего вздоха. Чэнцзи облачился в траур и поставил в доме поминальную табличку с её именем.

На следующий год пришла весть: младший сын семьи Ду из Лянчуаня, ставший чиновником, был уличён в растрате военного довольствия. Всю семью Ду казнили, а имущество обратили в казну.

Чэнцзи пришёл на могилу матери и долго жёг благовония.

— Мама, сын твой был непочтителен в этой жизни, заставил тебя столько страдать. В следующей жизни я снова стану твоим сыном и отдам тебе весь долг любви!

Слова эти опоздали на целую жизнь.

Мужчина, присматривавший за могилой, взглянул на него и негромко произнёс:

— Дерево хочет покоя, да ветер не утихает; сын хочет заботиться, да родителя уже нет.

Он смахнул сорную траву с могильного холма и добавил:

— Ничего. У нас впереди вечность.

***

Город Миншань

Улицы гудели — шёл праздник фонарей. Толпы людей заполнили площадь, повсюду продавали сладости, и самым ходовым товаром были алые ягоды боярышника в сахаре, так любимые детворой.

— Мама! Мама! Ешь! — Трёхлетний карапуз в шапке с тигриной мордой, похожий на маленького фарфорового небожителя, протягивал палочку Лу Фэнтан. Его звали Лу Чэнхуай, но дома все звали просто Шаньху — Горным Тигром.

— Шаньху такой умница, — улыбнулась она, осторожно откусив кусочек.

Малыш просиял и тут же повернулся к Мэн Шаояню:

— Папа! Ешь!

— Ох, золотой ты мой! — Шаоянь подхватил сына на руки, сияя от счастья. Он прикусил ягоду ровно там, где коснулись губы жены. — Молодец. Мама с папой попробовали, теперь ешь сам.

Мальчик с довольным видом принялся грызть угощение.

— Давай я понесу, — предложила Лу Фэнтан, протягивая руки.

— Народу слишком много, — покачал головой муж, крепко сжимая её ладонь. — Лучше держись за меня. Смотри, впереди продают фонарики-близнецы, давай купим один?

— Давай, выберем самый красивый, — кивнула она, сжимая его руку в ответ.

Счастлирое семейство скрылось в толпе, не заметив, что кто-то провожает их долгим взглядом.

Там, в тени торговых рядов, среди груд писем и свитков, Цэнь Юн в полном одиночестве смотрел им вслед. Видя их близость, их неподдельное счастье, он чувствовал, как в сердце разливается невыносимая, горькая желчь.

<http://bllate.org/book/17558/1713077>